УДК: 316.422:352 DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-3-156-163

«УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ» В МУНИЦИПАЛИТЕТАХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РЕФОРМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: СОДЕРЖАНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

***Меркулова К.Г.*[1]**

Ключевым эффектом институциональных изменений в рамках нового этапа реформы местного самоуправления стало закрепление права региональной власти определять выбор модели управления в муниципальных районах и городских округах. В условиях последующего расширения вариантов организации таких моделей это привело к широкому распространению систем управления городскими округами, в которых избранный представительным органом муниципалитета глава, наделенный полномочиями руководства администрацией, консолидирует власть и управленческие рычаги в своих руках. Консолидация властных полномочий в руках главы муниципалитета, являющегося главой администрации, при активном влиянии на процесс его избрания исполнительной власти субъекта Российской Федерации способствует централизации систем управления в регионах. При этом выбор такого варианта эволюции системы управления возможен при согласии ключевых групп интересов в городах с кандидатурой руководителя города. В противном случае существующая схема сталкивается с невозможностью быстрого избрания главы города, что дестабилизирует систему городского управления.

Ключевые слова: муниципальная реформа, управление, глава города, политические акторы, децентрализация, сити-менеджер.

«MANAGEMENT CONSOLIDATION» IN MUNICIPALITIES IN CONDITIONS OF THE MODERN STAGE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT REFORM: CONTENT AND CONSEQUENCES

MERKULOVA K.G. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management – branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: merkulovakg@mail.ru

The key effect of institutional changes in the new stage of local government reform was the consolidation of the right of regional authorities to determine the choice of the management model in municipal and urban districts. In conditions of the subsequent expansion of the options for organizing such models, this led to a wide spread of urban district management systems in which a head elected by the representative body of the municipality, is vested with the authority to manage administration, consolidates power and management levers in own hands. Consolidation of power in the hands of the head of the municipality, who is the head of the administration, with active influence on the process of election to the executive branch of the entity of the Russian Federation, contributes to the centralization of control systems in the regions. At the same time, the choice of such a variant of the management system evolution is possible with the consent of key interest groups in cities with the candidacy of the city head. Otherwise, the existing scheme faces the impossibility of quick electing the head of the city, which destabilizes the urban management system.

Keywords: municipal reform, management, head of the city.

Меркулова Ксения Геннадьевна – аспирант кафедры политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, адрес: 302028, Российская Федерация, г. Орел, б. Победы д., 5а, e-mail: merkulovakg@mail.ru

Законодательные новеллы 2014–2015 годов в сфере организации местного самоуправления в российских регионах сформировали правовую основу для нового раунда глубоких институциональных изменений на местном уровне. Ключевым трендом этих перемен стала «вертикализация» – дальнейшее последовательное встраивание местного самоуправления в сложившуюся в стране «вертикаль власти».

Основным направлением нормативных изменений в регулировании прав на определение того или иного типа управления муниципалитетами стала фактическая передача этого права с муниципального уровня на уровень субъектов РФ[1]. Поправки, которые были внесены в 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в мае 2014 года (ст. 34, п.3 устанавливали, что «порядок формирования, полномочия, срок полномочий, подотчетность, подконтрольность органов местного самоуправления, а также иные вопросы организации и деятельности указанных органов определяются уставом муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации».

Таким образом, с 2014 года органы власти субъектов Федерации получили возможность не посредством теневого влияния, а в законодательном формате определять, какая из предусмотренных в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» систем управления муниципалитетами будет установлена в регионе. При этом выбор мог быть вариативным для различных муниципалитетов внутри региона (но устанавливать его должен был региональный закон), что дает возможность комбинировать различные модели для отдельных видов муниципалитетов (и даже конкретных из них), а также формировать в субъектах Федерации системы управления, отвечающие интересам и идеологическим установкам руководителей регионов. Причем, делать это можно теперь с высокой степенью гибкости и правом пересматривать сложившиеся институциональные конструкции.

Перемены в политической системе страны, начавшиеся в 2012 году и ускорившиеся после присоединения Крыма в 2014 году обозначили тренд на усиление контроля «вертикали» над всеми сферами российской политики[2]. Происходящая «авторитарная коррекция» политической реформы укрепляла механизмы прямого влияния федерального Центра на губернаторов. Федеральная власть активно задействовала антикоррупционные для усиления политико-управленческого контроля над институтами власти на региональном и муниципальном уровнях. Одновременно происходила «частичная децентрализация» – часть федеральных полномочий передавалась на уровень субъектов Федерации. Возвращение в 2012 году губернаторских выборов, обставленных, однако, многочисленными ограничениями («фильтрами»), сохраняющими возможность для Центра контролировать процесс формирования губернаторского корпуса, создало новую политико-управленческую ситуацию. В ее рамках частично легитимированные на всенародных выборах, но фактически направленные на регионы федеральным Центром губернаторы призваны мобилизовывать ресурсы территорий для их экономического и социального развития, получив право формировать такую систему управления внутри регионов, которая видится власти субъекта Федерации наиболее оптимальной (но в рамках определенного федеральным законом набора вариантов)[3].

---

[1] См.: Евстифеев Р.В. Новейшие трансформации местного самоуправления в России // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития. Сборник статей / Ин-т «Справедливый мир», Рос. ассоц. полит. науки. Редколл.: Л.И. Никовская (отв. ред), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец. – М.: Ключ, 2015. – С. 130–132.

[2] См.: Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 годы. Кризис и трансформация российского авторитаризма. Доклад фонда «Либеральная миссия». Под ред. К. Рогова. – http://www.liberal.ru/articles/6537 (дата просмотра: 27.04.2017).

[3] См.: Слатинов В.Б., Меркулова К.А. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 3. – С. 37–38.

В новой редакции законодательства о местном самоуправлении за областным представительным органом закреплено право форматировать институциональную организацию местной власти, исходя из своих интересов и предпочтений, а также представлений об оптимальных моделях построения систем публичного управления. Таким образом, начался новый период крупномасштабной перестройки местного самоуправления («малая» муниципальная реформа)[1], основным содержанием которой стало его дальнейшее встраивание в «вертикаль» и усиление политического контроля над муниципалитетами со стороны государственной власти, прежде всего – исполнительных структур регионального уровня.

Обозначенные федеральные тенденции активно влияли на динамику режимных трансформаций в регионах Черноземья за последние пять лет – можно констатировать дальнейшее укрепление «вертикали» как по линии Центр – регионы, так и внутри территорий. В число наиболее значимых трендов в рамках режимных изменений в «черноземных» регионах можно выделить следующие:

- рост доверия к региональной власти в связи с наличием «крымского консенсуса» (пусть и не в столь крупных масштабах, как в отношении Президента и федеральных структур), правда, носящий ограниченный во времени характер;

- появление либо углубление ресурсного дефицита в связи с замедлением темпов экономического роста и расширением социальных обязательств для исполнения так называемых «майских указов» Президента России 2012 года;

- актуализацию в связи с нарастанием ресурсного дефицита потребности в консолидации систем управления регионами;

- серьезное укрепление доминирующих политических акторов, в качестве которых выступают губернаторы (главы исполнительной власти территорий), – проведение выборов высших должностных лиц по сценарию «референдума о доверии»;

- общий рост моноцентричности региональной политики в связи с усилением доминирующих акторов – губернаторов, снижение автономии основных политических игроков, переход большей части из них к стратегии договоров и компромиссов с региональной исполнительной властью (касается подавляющего большинства региональных отделений политических партий, особенно парламентских, ключевых групп интересов, влиятельных региональных СМИ и гражданских структур);

- формирование модели «неоспариваемого лидерства» губернаторов в региональной политике, смещение конкуренции за губернаторский пост из сферы, открытой и публичной (губернаторские выборы проходят как «договорные матчи») в теневую.

В отношении эволюции местного самоуправления эти тенденции способствовали тому, что данный уровень публичной власти все активней встраивался в «вертикаль» в рамках процесса «ресурсной консолидации». Федеральный Центр не только не сопротивлялся, но, скорее, поощрял данный процесс, особенно на фоне усугубляющихся экономических проблем, связанных с падением цен на энергоресурсы и введением западных санкций против российской экономики. Иначе говоря, управленческая консолидация в регионах рассматривалась как антикризисная мера, и федеральный Центр проявлял готовность к институциональным изменениям в системе управления субъектами РФ, включая организацию местного самоуправления, для того чтобы ей способствовать. Как известно, до середины 2014 года действовали нормы, в соответствии с которыми муниципалитеты имели возможность вариативного выбора моделей построения органов местного самоуправления на

[1] См.: Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 39–40.

своей территории[1]. По отношению к большинству муниципальных образований (кроме малых сельских поселений) выбор включал три варианта. В рамках первого варианта должности главы муниципалитета и главы местной администрации совмещались, при этом его избрание осуществлялось на выборах наряду с избранием представительного органа муниципального образования («сильный мэр»). Во второй модели на всеобщих муниципальных выборах избирался только представительный орган муниципального образования, который, в свою очередь, избирал из своего состава председателя, наделяемого одновременно полномочиями главы муниципалитета, а глава администрации (сити-менеджер) нанимался представительным органом после проведения конкурса, где в составе конкурсной комиссии (формируемой представительным органом), существенная доля принадлежала представителям государственной власти субъекта РФ. Наконец, третья позиция (модель) в целом была сходна со второй (в части найма сити-менеджера), но отличалась тем, что глава муниципального образования, возглавляющий представительный орган, избирался населением на выборах.

В рамках законодательных изменений, реализованных весной 2014 года, субъекты Федерации получили возможность устанавливать ту или иную модель управления муниципалитетами региональным законом, положения которого затем должны имплантироваться в уставы муниципалитетов. До конца 2014 года региональные законодательные собрания в основном завершили принятие законов, регламентирующих организацию и порядок наделения полномочиями органов и должностных лиц местного самоуправления на своих территориях. Общим трендом стало расширение практики использования модели с главой муниципалитета, избираемым из состава депутатов, и главой администрации, нанимаемым по контракту (модель сити-менеджера), причем указанная модель распространялась не только на региональные столицы (к весне 2015 года менее двух десятков областных центров сохранили модель с «сильным мэром», избираемым населением), но и на муниципальные районы, городские округа и городские поселения[2]. В некоторых регионах (Орловская область) законы предусматривали отмену выборов глав в практически всех видах муниципальных образований. Резко расширилась практика отмены прямых выборов депутатов районных муниципальных собраний и замены их на механизм делегирования депутатов муниципалитетов нижестоящего уровня. Возник первый в России прецедент расщепления единого городского округа на городской округ с внутригородскими территориями, получившими статус муниципалитетов (Челябинск). Представительный орган этого городского округа также формируется методом делегирования, а прямые выборы мэра в таких городах исключены.

Существенный рост количества случаев использования модели с сити-менеджером создавало не только преимущества консолидации системы управления, но и риски, связанные с «раздвоенностью» муниципального управления (наличие двух глав – муниципалитета и администрации), размыванием ответственности и потенциальной конфликтностью данной модели. Кроме того, право субъектов РФ императивно устанавливать модель управления в муниципалитетах противоречило принципу демократической организации местного самоуправления. По поводу последней проблемы важное решение было принято Конституционным судом РФ в декабре 2015 года. Оно было компромиссным – Суд счел

[1] См.: Гельман В.Я. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et contra. – № 1. – 2007. – С.10–11.
[2] См.: Слатинов В.Б., Меркулова К.А. Структурные и кадровые эффекты очередного этапа муниципальной реформы в регионах Центрального Черноземья // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 5. – С. 35–37.

оправданным право императивного предписания моделей управления для муниципалитетов «второго уровня» – муниципальных районов и городских округов, поскольку последние активно реализуют государственные полномочия. Для муниципалитетов уровня поселений Суд счел правильным установить законами субъектов РФ вариативность выбора модели управления. Кроме того, императивность в предписании моделей управления для муниципалитетов второго уровня Конституционный суд трактовал как право законодательных собраний субъекта РФ, то есть регион может сохранять и для муниципальных районов с городскими округами право выбора. Решение Суда потребовало корректировки регионального законодательства, при этом установленное право субъектов РФ либо предписывать муниципалитетам второго уровня модели управления, либо сохранять вариативность выбора существенно увеличивало разнообразие региональных случаев.

Что касается роста рисков, связанных с широким применением в разного типа муниципалитетах модели с сити-менеджером, которая предполагала «расщепление» муниципальной власти (разведение должностей главы муниципалитета и главы администрации), то федеральный Центр в рамках логики централизации и управленческой консолидации оперативно отреагировал на этот вызов. В феврале 2015 года поправками в 131-ФЗ добавлены еще две модели организации муниципальной власти. Глава муниципалитета теперь может быть избран из состава депутатов представительного органа и одновременно занять должность главы администрации (при этом он снимает с себя полномочия депутата). Установлена также возможность избрания главы муниципалитета, исполняющего полномочия главы администрации, представительным органом на конкурсной основе – условия конкурса почти такие же, как в модели с сити-менеджером, но в новой модели статусы главы администрации и муниципального образования консолидируются.

В регионах был проявлен большой интерес к указанным моделям, поскольку введение «единоначалия» в системах управления муниципалитетами через предложенные новые модели теперь не обусловлено необходимостью проводить всенародные выборы главы, а позволяет сделать это в рамках процедур, поддающихся активному политическому контролю со стороны региональных властей. При этом избрание главы администрации из состава депутатов выглядит более демократичным и легитимным, а конкурсный найм высшего должностного лица муниципалитета представляется спорным с точки зрения легитимности, но сохраняет возможность подбора кандидата с более строгих профессиональных позиций.

В настоящий момент практически все административные центры «черноземных» регионов перешли к системе, в которой «сильный мэр» (совмещающий статус главы муниципалитета и администрации) избирается депутатами представительного органа после проведения конкурсного отбора кандидатур: Воронеж – соответствующие поправки в Устав внесены; Липецк – выборы «сильного мэра» депутатами после конкурсного отбора состоялись; Тамбов – модель принята, мэр избран депутатами представительного органа; Курск – поправки в Устав внесены. Только в Белгороде сохранена модель с сити-менеджером. Переход к новой модели остро высветил важную проблему «малой» муниципальной реформы, которая фактически дала права губернаторам формировать системы управления в подведомственных им регионах по своему усмотрению, – где и как искать баланс между логикой «вертикализации» и местными интересами? Внедрив повсеместно институт сити-менеджеров и «сильных глав», избираемых депутатами по конкурсу, губернаторы ожидают «эффекта управленческой консолидации» для решения как антикризисных задач, так и задач развития территорий. Динамика докризисного хозяйственного развития многих областей Черноземья, в которых сложились политические режимы, тяготеющие к моноцентризму (Белгородская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская области), демонстрировала позитивные эффекты

«управленческой консолидации», реализованные в отношении муниципалов, преимущественно в рамках неформального влияния. Новый виток «управленческой консолидации» на основе переформатированной законодательной базы и усиленных формальных полномочий региональных органов власти в отношении муниципалитетов к настоящему моменту также в целом дал положительные социальные и экономические эффекты в условиях обостряющегося дефицита ресурсов[1].

Предоставление федеральным законодателем региональным властям права широко воздействовать на институциональный дизайн местного самоуправления привело к существенному увеличению разнообразия подходов к построению муниципальной власти и ее управленческих конфигураций. В регионах Черноземья институциональные решения в части статуса и порядка избрания глав муниципалитетов оказались довольно разнообразны. В соответствии с решением Конституционного суда РФ все регионы предоставили муниципальным образованиям первого уровня (поселениям) право выбора модели управления, а в части муниципальных районов и городских округов институциональные модели отличаются многообразием. Наиболее демократичным выглядит в этом смысле законодательство Воронежской области, оставившее за муниципалитетами всех уровней и видов право выбора модели управления самостоятельно. Впрочем, это не исключает неформального влияния региональной исполнительной власти на принятие соответствующего решения депутатами представительных органов муниципалитетов. Так, весной 2017 года Городская Дума Воронежа после широких дискуссий отменила всенародные выборы мэра (Воронеж до нынешнего года оставался последним региональным центром Черноземья, сохранившим модель с избираемым населением мэром). В других регионах Черноземья для муниципалитетов второго уровня (муниципальные районы и городские округа) законом субъекта РФ либо жестко предписана одна модель организации власти, либо действует ограниченная вариативность. Так, законодательство Белгородской области устанавливает единственно возможную модель управления для районов и городских округов – модель с сити-менеджером и главой муниципалитета, избранным из состава депутатов представительного органа. В Липецкой и Тамбовской областях вариативности в организации муниципальной власти на районном и городском уровнях также нет – региональные законы предписывают соответствующим муниципалитетам модель «сильного главы» (совмещающего должности руководителя муниципалитета и местной администрации), избираемого депутатами после проведения конкурсного отбора претендентов. Такая же модель может использоваться на районном уровне в Курской области, но есть и второй вариант, который могут выбрать местные власти, – прямые выборы «сильного главы» населением района. Однако по отношению к городским округам в Курской области действует более жесткая схема – предписана единственная модель «сильного главы», избираемого после конкурсных процедур. В Орловской области для районного и городского уровней сохранены на выбор две модели – с сити-менеджером и избранием «сильного главы» из состава депутатов с последующим сложением им депутатских полномочий.

Решения федеральных законодателей и Конституционного суда сформировали институциональную рамку по организации систем управления на местах для региональных властей, которая дает возможность реализовать управленческую консолидацию, но в гибких формах, учитывающих местную специфику, влияние ключевых групп интересов и мотивацию ключевых политических игроков в территориях. Институциональные эффекты выбора

[1] См.: Клявина Ю. Два региона Черноземья не дотянули до среднероссийского уровня социально-экономического развития. – URL.: http://abireg.com/n_22709.html (дата просмотра: 29.04.2017)

разнообразных вариантов и комбинаций организации местной власти в субъектах РФ еще предстоит оценить, однако уже очевидно, что практически повсеместно региональные власти идут на «вертикализацию» систем управления, предписывая наиболее «ресурсным» муниципалитетам (районам и городским округам) модели руководства, в которых влияние исполнительной власти региона на избрание главы муниципалитета и руководителя администрации будет максимальным. В первую очередь это касается городских округов, среди которых главное значение придается областному центру. Там, где в силу местных особенностей и необходимости учитывать влияние ресурсных групп интересов, сохранили вариативность выбора (Воронежская область – для всех муниципалитетов, Курская – для муниципальный районов, Орловская – для городов и районов), региональные власти, скорее, полагаются на возможность задействовать неформальное влияние на муниципалитеты.

Как было показано выше, управленческая консолидация, возникшая вследствие «малой» муниципальной реформы, в целом сыграла позитивную роль в условиях экономического кризиса, способствовав сохранению в регионах Черноземья экономического роста, а также позволив органам публичной власти сконцентрировать ресурсы для выполнения социальных обязательств перед населением. Однако ее эффективность в ситуации посткризисного развития остается под вопросом. Еще более рискованным для сформировавшихся в регионах «вертикальных» политико-управленческих конструкций представляется потенциальная возможность «пробуждения городов»[1] – выхода основной массы городских жителей из состояния общественно-политической апатии и предъявления с их стороны по отношению к властям требований реального политического и управленческого участия.

Библиография/References:

1. Гельман В.Я. От местного самоуправления – к вертикали власти // Pro et contra. – № 1. – 2007. – С. 6–19.

2. Евстифеев Р.В. Новейшие трансформации местного самоуправления в России // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития. Сборник статей. Редколл.: Л.И. Никовская (отв. ред), В.Н. Шевченко, В.Н. Якимец. – М.: Ключ, 2015. – С. 129–143.

3. Клявина Ю. Два региона Черноземья не дотянули до среднероссийского уровня социально-экономического развития. – URL.: http://abireg.com/n_22709.html.

4. Основные тенденции политического развития России в 2011–2013 годы. Кризис и трансформация российского авторитаризма. Доклад фонда «Либеральная миссия». Под ред. К. Рогова. – URL: http://www.liberal.ru/articles/6537.

5. Попова О.В. «Рассерженные горожане»: группа одного интереса? // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭКС. – 2012. – № 2. –С. 58–79.

6. Слатинов В.Б., Меркулова К.А. Структурные и кадровые эффекты очередного этапа муниципальной реформы в регионах Центрального Черноземья // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 5. – С. 33–37.

7. Слатинов В.Б., Меркулова К.А. Современный этап российской муниципальной реформы: содержание и ожидаемые эффекты // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 3. – С. 37–45.

[1] См.: Попова О.В. «Рассерженные горожане»: группа одного интереса? // Политическая экспертиза. – № 2. – 2012. – С. 78–79.

8. Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 35.

1. Gel'man, V.Ia. (2007) Ot mestnogo samoupravleniia – k vertikali vlasti [From local self-government to the vertical of power] // Pro et contra. – № 1. – P. 6–19. (In Russ.)
2. Evstifeev, R.V. (2015) Noveishie transformatsii mestnogo samoupravleniia v Rossii [The newest transformations of local self-government in Russia] // Sotsial'no-politicheskaia transformatsiia v sovremennoi Rossii: poisk modeli ustoichivogo razvitiia [Socio-political transformation in modern Russia: the search for a model of sustainable development]. Sbornik statei. Redkoll.: L.I. Nikovskaia (otv. red), V.N. Shevchenko, V.N. Iakimets. – M.: Kliuch. – P. 129–143. (In Russ.)
3. Kliavina, Iu. Dva regiona Chernozem'ia ne dotianuli do srednerossiiskogo urovnia sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia [Two regions of Chernozem region did not reach the average Russian level of social and economic development]. – URL.: http://abireg.com/n_22709.html. (In Russ.)
4. Osnovnye tendentsii politicheskogo razvitiia Rossii v 2011–2013 gody. Krizis i transformatsiia rossiiskogo avtoritarizma [The main trends of Russia's political development in 2011-2013. Crisis and transformation of Russian authoritarianism]. Doklad fonda «Liberal'naia missiia». Pod red. K. Rogova. – URL: http://www.liberal.ru/articles/6537. (In Russ.)
5. Popova, O.V. (2012) «Rasserzhennye gorozhane»: gruppa odnogo interesa? ["Angry Citizens": a group of one interest?] // Politicheskaia ekspertiza. POLITEKS [Political Expertise: POLITEX]. – № 2. – P. 58–79. (In Russ.)
6. Slatinov, V.B., Merkulova, K.A. (2015) Strukturnye i kadrovye effekty ocherednogo etapa munitsipal'noi reformy v regionakh Tsentral'nogo Chernozem'ia [Structural and personnel effects of the next stage of russian municipal reforms in the regions of Central Chernozem] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 5. – P. 33–37. (In Russ.)
7. Slatinov, V.B., Merkulova, K.A. (2015) Sovremennyi etap rossiiskoi munitsipal'noi reformy: soderzhanie i ozhidaemye effekty [Modern stage of Russian municipal reform in the context of transformation of authority positions of governors: contents and effects] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. – № 3. – P. 37–45. (In Russ.)
8. Turovskii, R.F. (2015) Rossiiskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoi vlasti v lovushke nedofinansirovaniia i grazhdanskoi passivnosti [Russian local self-government: state agency agent in the trap of underfunding and civil passivity] // Politicheskie issledovaniia [Polis. Political Studies]. – № 2. – P. 35. (In Russ.)